

УДК 81

LINGUISTIC & RHETORICAL ASPECT OF REPRESENTATION
OF THE BASIC OPPOSITION "NATURE/SOCIUM"
IN A BELLETRISTIC TEXT

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БАЗОВОЙ ОППОЗИЦИИ
«ПРИРОДА/СОЦИУМ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Vorozhbitova A.A. / Ворожбитова А.А.

d. philol.s., prof. / д.филол.н., проф.

Goliontseva I.V. / Голионцева И.В.

*graduate student / аспирант**Sochi State University, Sochi, Sovetskaya Street 26-a, 354 000**Сочинский государственный университет, Сочи, ул. Советская 26-а, 354 000*

Аннотация. Лингвориторический (ЛР) аспект репрезентации базовой оппозиции «Природа/социум» и ряда конкретизирующих ее оппозитивов в художественном тексте рассматривается на примере идиодискурса К. Бальмонта. Эссе «Москва в Париже» (1926 г.) – яркий пример металогизма антитезы на основе базовой оппозиции «Природа/социум».

Ключевые слова: лингвориторический (ЛР) подход, дискурс-текст, ЛР синергетика.

Вступление.

Текст эссе поэта-эмигранта К. Бальмонта «Москва в Париже» (1926 г.) являет собой высокохудожественный лингвориторический (ЛР) конструкт, который основывается на одной из базовых оппозиций – *Природа/социум*. Стратегическая линия синергетического саморазвертывания дискурс-текста эксплицируют и другие ведущие для данного идиодискурса оппозиции.

Основной текст.

Речемыслительные оппозитивы, лежащие в основе рассматриваемого дискурс-текста, насыщены богатым «генеративным потенциалом»: *природа/социум, Москва/Париж; сон/явь, снег/город; Россия прошлого/Россия настоящего; машины/мороз; автор/парижане; парк Мюэтт, Булонский лес/Русский сад; грезы/реальность; девушки/мужчины; лебеди зимующие/лебеди улетевшие; белые лебеди/черные лебеди; пространство/время; ослепшее тело/прозревшая душа, клик лебедей/гул колоколов*. Соответствующие названным оппозициям тематические поля текста взаимодействуют на уровнях языкового и неязыковых слоев, генерируя поэтическую ауру лексико-семантической синергетики. Металогизм антитезы прошивает текст насквозь, фиксируя запредельную контрастность бытия; ЛР инструментарий литературной личности, художника слова, адекватно фиксирует и транслирует адресату болезненную обостренность восприятия русского «эмигранта поневоле», помогает полно и высокохудожественно реализовать жгучую интенцию ностальгирующей языковой личности.

Этосный аспект авторской интенции в первых двух абзацах формирует текст имплицитно: поэт ищет духовным взором потерянную Родину, и неожиданной опорой для его грез становится природный объект «*первый снег*». Этот объективный факт интерпретируется поэтом как «*свиданье с белой птицей*», изредка посещающей его в сновидениях, и осмысливается как

счастливое предзнаменование духовного равновесия и гармонии с миром: *«Целый день проходит у меня под знаком доброй приметы, все удастся – и дело, и встречи, и замыслы. Душа целый день в порядке и внутренней сосредоточенности. Не мечется, не рвется, довольна, знает, вполне убеждена. Белая птица никогда меня не обманывает»*. Так вводится метасемемный лейтмотив эссе – *белые птицы/крылья – снег*, однако пока на бессознательном уровне прагматикона языковой личности. Подлинная причина столь благотворного воздействия образа белой птицы, гармонизирующего Дух и Душу, Разум и Тело лирического героя, еще не ясна реципиенту. Благодаря этому в сознании воспринимающей языковой личности читателя фиксируется состояние когнитивно-эмоционального ожидания (включается преддиспозитивно-ориентировочный механизм интегральной ЛР компетенции в рецептивно-аналитическом регистре его функционирования).

Ниспосланное Природой событие (первый снег), на фоне которого разворачивается лирический сюжет произведения, автор интерпретирует как «сон наяву» и воплощает свой замысел, конструируя адекватный элокутивный слой соответствующего фрагмента. Суггестирующий повтор эпитета «белый» разрешается в метонимии: *«Я отдернул занавеску и замер в восторге. Белые птицы, множество белых птиц, малых и побольше, весь воздух Парижа белый, и сонмы вьющихся белых крыльев»*. Перечислительный метатаксис призван отобразить сам психолингвистический процесс всматривания в белую круговерть общей панорамы, в которой лишь название города сигнализирует о реальности, отсылая к «объективному референту-1». Автор не спешит объяснить читателю, что же происходит на самом деле, продлевая эмоционально заразительные минуты охватившего его чувства волнения (фигура повтора) и сам момент прикосновения к таинству (троп метонимия). Не противореча реальности (хлопья снега схожи с крыльями), метасемема метонимии органично включается в метафорический образ снежной птицы, объединившей сон и явь. Поэт только что подтвердил реальность происходящего: *«Уже не во сне, а наяву»*, – и тут же возвращает в ирреальность следующей фразой: *«И наяву снятся сны убедительнейшие»*.

В ходе дальнейшего развертывания идиодискурса Париж и Москва соединяются воедино: «ирреальный период» рекурсии вписан в основной поток фактуального изложения. Последующий *синтаксический параллелизм* симметрично и метатаксически объемно разворачивает дальнейшее детализированное описание Белокаменной (здесь далее разбивка на строки – наша: прозу невольно читаешь стихами. – Авт.): *От храма до храма в ней / белый свет. / От крыши до крыши / белый сугроб. /.../ От улицы к улице идет и ведет / белая метель. /.../ От месяца к месяцу / белый хоровод, / снеговое небо, оснеженная земля, / захваченный снежинками воздух, / захваченная вьюгой душа... «В душе глядящей – от таких сугробов на крышах – становилось полетно и легко»*, – замечал автор в конце предыдущего абзаца, и вот дальнейшее моделирование читательского восприятия: в рамках экспрессивного стиля художественной рецепции элементы вертикального гармонизирующего ряда создаются и в структуре внутреннего дискурса-интерпретанты, помогая

читателю стать «конгениальным автору» (М. Гиршман). Чтобы снежная симфония не превратилась в уравновешенно «статичную», в рамки приведенной выше метатаксической структуры вписывается симметричная анафорическая параллель мелодии огней; *«От Дома до дома... перекликаются огни и зовут...»*. Эффект контрастного восприятия снега и огня достигается использованием антонимических перекрестий с ярко выраженной изобразительной функцией: *с колода войдешь в тепло, / озябнешь – согреешься... / и тянет уйти в морозную ночь*; органична предшествующая отсылка к тревогам первой любви: *придет? не придет?*

В подтексте прекрасного, как сказочный сон, образа Родины возникают фреймы и картины разрушенной кошмаром гражданской войны России, в которой *«красота не овладела миром, а запуталась в случайном, забила в собственных силках, порвала их, вырвалась, улетела, растаяла, гонись не догонишь, лови не поймаешь, не узнаешь, где и ловить, куда направить гон свой»*. Авторский этос опосредованно формирует элокутивные характеристики дискурс-текста, будучи пропущен сквозь призму пафосного спектра ассоциативно-вербальной сети продуцента. Если в риторической прозе экспрессивные средства налагаются прямо на логический остов (Г.Г. Шпет), то в цельной софийности подлинно художественной прозы литературной личности метаболы образуют инвентивно-элокутивно-диспозитивно-акциональный сплав мыслеречи. Это продукт поэтического (аффективно-регрессивного) идеоречецикла, в котором «фигурная» инвенция одновременно является элокуцией и диспозицией в их акциональной реализации.

Сказка-сон не заканчивается: поводом автора остается все та же белая птица. Ее *«веселая прихоть»* заморозила шумы Парижа, ставшие *«уравномеренными»*, и укротила *«злых», «неуютных чудовищ», «мерзких зверюг» с «подло-мягкими шинными лапами» – «самокаты» (авто), испугавшиеся «московского мороза»*. В инвентивной сетке дискурс-текста, в разворачивающейся в восприятии реципиента «киноленте» сцен, образов, картин осуществляется диалектическое взаимопроникновение референта-1 – объективного мира, отраженного сознанием художника, и референта-2 – возможного мира, в котором – прежде всего посредством метафоры – объективируются *«топосы души»* (Г.И. Богин) автора. Они налагаются друг на друга, рождая волшебную амальгаму: *«Город по-московски побелел, стал весь красивым, спрятал свой всегдашний серый цвет под благороднейшим, под цветом белых роз и видений, мгновенной игрою раскинул везде, разбросал снежные кусты и вишневые сады в цвету...»*. Влекомый белой птицей счастья автор устремляется *«в издавна привычный малый парк Мюзетт, / в колыбель одиноких мечтаний, / в Молчальницу. / И в ставший тихим, / и в ставший звонким, / и в ставший белым Булонский лес»*.

Только погрузившись в природу, бежав из немилого города, найдет минутное успокоение автор. Описание Парижа, хоть и облагороженного снежным покровом, резко противопоставлено поэтической картине Москвы. Непримируемость конфликта, репрезентируемого бинарной оппозицией *Родина/чужбина*, в частности, высвечивается рефлексивным пассажем:

«назвать это московским морозом можно нам только из нашей страсти к воспоминаниям», непосредственно адресованным соотечественникам-эмигрантам (точность адресации обеспечивается использованием личного и притяжательного местоимений, выполняющих функцию «терминов привлечения внимания»). Этому маленькому, затерянному в чужом мире человеческому островку противостоят (базовая оппозиция *свой/чужой*) парижане, не жалующие первоснежья: «*Ну и город, ну и людишки!*»; «*а людишки все попрятались. Ведь легкий только холодок*»; «они своим отсутствием дали... возможность чувствовать и думать, что Булонский лес – хороший Русский сад...».

Само таинство художественного творчества раскрывается перед читателем благодаря экспликации процесса наложения референта-2 на референт-1 в потоке сознания, проливающимся во внешнюю речь. Она фиксирует все стадии перехода в зазеркалье Запредельного: «...хороший Русский сад, замороженный начинающейся зимой, остуженный и оснеженный, совсем опустевший, грудь дышит свободно, зоркий глаз упивается мастерством и размахнувшейся по особенному творческой кистью Природы, живописующий красивую прихоть нагромождения белого на белом, – и вот передо мною нечто не трех измерений, а четырех» (подчеркнуто нами – Авт.). Лебединый клюв – не просто алый, а «и в ночной этой мгле алеющий» – в постсуппозиционный, «отсроченный» период более глубокого понимания-интерпретации ассоциируется и с каплями алой крови пророка-поэта, в чьей груди – «уголь, пылающий огнем», неизбежная боль за поруганную Родину и погубленную красоту.

Поэт, по В.Н. Топорову, – «установитель имен», сотворяющий в слове немую и безымянную до него Вселенную, собирающий ее по частям, по элементам, которые он отождествляет и выражает в звуке; он создает всепобеждающий, вечный текст как «бесконечно усиливающее самонастраивающееся устройство», «развивающееся вглубь при каждом конгениальном прикосновении к нему».

Заключение и выводы.

Дискурс-текст эмигрантского эссе К. Бальмонта «Москва в Париже» представляет собой яркий пример последовательного и законченного *металогизма антитезы*. Функцию *инвентивно-диспозитивного каркаса*, одетого в плоть и кровь *образной элокутивной ткани*, выполняет ряд *бинарных оппозиций*. По принципу *параллелизма*, прежде всего на семантическом уровне, реализуются конструктивные схемы абзацев, обеспечивающие смысловую когерентность текста.

Данный дискурс-текст базируется, прежде всего, на восприятии лирическим героем природных объектов. Базовая оппозиция «*Природа/социум*» в системе ее понятийно-образных ЛР репрезентаций (система понятий/слов, суждений/предложений, умозаключений/сложных синтаксических целых (ССЦ) и их образных коррелятов/«кадры-энграммы», по Ю.Н. Караулову) функционирует в роли уникального «психоэнергетического моста». Последний переносит языковую и литературную личность продуцента идиодискурса (=

лирического героя текста) из физической реальности Парижа (референт-1, «объективный мир») в родную и желанную, покинутую против своей воли большевистскую Москву (референт-2, «художественный мир», с переходом в референт-3 – «объективно-возможный мир»).

***Abstract.** The linguistic and rhetorical (L&R) aspect of the basic opposition "Nature/society" representation and a number of its concretizing opposites in a belletristic text is researched on the example of emigrated poet K. Balmont idiodiscourse, an essay "Moscow in Paris" (1926). This is a vivid example of the consistent and complete metalogism of antithesis. The basic opposition "Nature – society" in the system of its conceptual images of L&R representations plays the role of "psychoenergetic bridge". The latter one carries the producer of idiodiscourse (= lyrical hero of the text) from the physical reality of Paris (referent-1, "objective world") to Moscow, left out of will (referent-2, "art world", with transition to referent-3 – "objectively possible world").*

***Key words:** linguistic & rhetorical (L&R) approach, discourse-text, L&R synergetics.*

Статья отправлена: 25.06.2018 г.
© Ворожбитова А.А., Голионцева И.В.